

Значимые роли малых государств в современной мировой политике на примере малых ближневосточных монархий

Б.А. БАРАБАШ¹

Министерство культуры Российской Федерации (Россия)

Аннотация

В статье анализируется применение концепции международно-политических ролей для малых государств, занимающих «нижний этаж» международной иерархии. Традиционно малые государства отмечаются низкой статусностью, практическим отсутствием влияния на международные дела и зависимостью от великих держав. Вместе с тем, принимая во внимание обширность данной группы, среди малых государств возможно выделить подгруппу таких стран, которые способны эффективно актуализировать имеющиеся ресурсы и играть сопоставимые роли со средними или даже ведущими державами в мировой политике. В целях идентификации значимых международно-политических ролей автором предлагается типология, с одной стороны, учитывающая основные сферы международного взаимодействия, список которых, впрочем, является открытым, а, с другой стороны, тип референтного объекта для которого рассматриваемое государство играет значимую роль, а именно – глобальный, региональный или диадный уровень. Подобная систематизация значимых ролей позволяет сравнивать между собой несопоставимые страны, например, принадлежащие различным классам международной иерархии, в том числе малые, средние и ведущие государства. Кроме того, ось референтных объектов в типологии позволяет отразить важную социологическую компонентную роли, которая отличает ее от функции. С опорой на предложенную типологию значимых международно-политических ролей в статье анализируется трансформация ролей малых ближневосточных монархий – Катара, Объединенных Арабских Эмиратов и Бахрейна в современной мировой политике, которые являются одними из наиболее успешных примеров малых стран, достигших высокой субъектности в начале XXI века.

¹ **Барабаш Богдан Алексеевич** – заместитель начальника отдела проектов и государственных программ, Департамент государственной поддержки искусства и народного творчества, Министерство культуры Российской Федерации. 125993, ГСП-3, Москва, Малый Гнезниковский пер., д. 7/6, стр. 1,2.
E-mail: tri250@yandex.ru

Ключевые слова

малые государства, малые страны, малые державы, роль, мировая политика, международная иерархия, Катар, ОАЭ, Бахрейн, ближневосточные монархии

Для цитирования

Барабаш Б.А. (2024). Значимые роли малых государств в современной мировой политике на примере малых ближневосточных монархий. *Управление и политика. Управление и политика*, 3(4). С. 42–67. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-4-42-67

Всеобъемлющая классификация государств всегда являлась актуальной как для политических философов прошлого (начиная с Аристотеля и его труда «Политика», где он предпринял попытку типологизации государств по числу правителей и их целям), так и для современных специалистов в сфере международных отношений и мировой политики. Выделение классов, типологий и кластеров государств и идентификация их отличительных характеристик являются важным этапом анализа для построения значимых обобщающих выводов, которые могут оказаться релевантными не только для теоретиков международных отношений, но и лиц, принимающих решения в конкретных государствах.

Так, один из способов построения глобальной классификации государств основывается на позиционной логике концепции международной иерархии, в рамках которой проецируемая на мировую арену материальная мощь является интегральной характеристикой, косвенно отражающей неодинаковый вклад различных государств в формирование основ мирового порядка и системы международных отношений (Paul et al., 2014).

Основываясь на данной переменной, возможно выделить традиционную двучленную дихотомию между великими (ведущими) державами, которые создают нормы и придерживаются наступательной стратегии («rule makers»), и остальными государствами (Богатуров, 1997), которые подчиняются им и следуют оборонительной стратегии («rule takers») (Aydin, 2019).

В послевоенное время сравнительно более распространенной становится трехсоставная классификация, разделяющая государства на великие державы, державы среднего уровня и малые державы, а также

пятичленная классификация, дополнительно учитывающая отдельные немногочисленные экстремумы – сверхдержавы и микросоударства (Mares, 1988).

На рис. 1 систематизированы основные классы государств в зависимости от их материальной мощи, которые оформлены в виде обособленных «этажей» пирамидальной модели международной иерархии.

Рис. 1. Пирамидальная модель международной иерархии

Fig. 1. Pyramid model of international hierarchy

В вышеуказанной модели все четыре «этажа» расположены с учетом вертикальных осей наличия материальных ресурсов и масштаба национальных интересов. Кроме того, данные «этажи» совмещены с концепцией глобальной функциональной классификации государств М.В. Ильина (Ильин, 2011), основанной на трудах Ж. Коломера (Colomer, 2007), которая исходит из того, что государства, принадлежащие верхним этажам пирамиды являются основными производителями общественных благ (мегагосударства и макрогосударства), а страны, располагающиеся на нижних этажах, выступают в качестве их потребителей (мини- и микросоударства).

Характерно, что в пирамидальной модели международной иерархии отображается все уменьшающееся число государств по мере приближения к ее вершине. В этой связи вызывает отдельный исследовательский

интерес самый нижний этаж пирамиды – наименее влиятельный, но наиболее многочисленный, представленный так называемыми малыми государствами.

Малые государства, понимаемые как суверенные страны, обладающие ограниченными физико-географическими и (или) демографическими ресурсами, как правило, отмечаются пониженной субъектностью в мировой политике, которая отражает их возможности в выживании, развитии, способности оказывать влияние на локальный, региональный или глобальный уровни мировой системы, сохранять и увеличивать свой статус в рамках международной иерархии, достигать национальные интересы и проявлять самостоятельность при проведении собственного внешнеполитического курса на фоне деятельности своих соседей и, особенно, великих держав. С последними малые государства склонны иметь особые отношения, которые, как правило, характеризуются зависимостью или протекцией, чувствительностью к давлению и определенной степенью периферийности, ведь именно на фоне великих держав малые страны в первую очередь и считаются таковыми (Long, 2022).

Несмотря на то, что релевантно отметить существование примеров территориально и демографически ограниченных политий, которые признаются исследователями и мировым сообществом непропорционально значимыми, как и примеров стран с большой территорией и (или) населением, имеющих относительно низкий статус в мировой политике, тем не менее наличие скромных материальных ресурсов для большинства государств следует признать скорее ингибитором развития, а не его катализатором.

Внешиполитическая деятельность современных государств, принадлежащих к категории «малых», вызывает отдельный исследовательский интерес, так как в настоящее время, как уже отмечалось выше, они составляют более половины современных суверенных политий и в силу своего непропорционально большого числа весьма непохожи друг на друга. Так, к данной категории могут относиться как мельчайшие тихоокеанское государство Науру и южноевропейское государство Сан-Марино,

так и более крупные южноамериканская страна Суринам, африканское государство Джибути, североатлантическая Исландия, восточноевропейская Молдавия, южноазиатский Бутан, ближневосточные ОАЭ и многие другие суверенные политии разного уровня развития, государственной состоятельности, устойчивости, открытости международной среде и внешнеполитической активности.

Ввиду того, что группа малых государств является весьма обширной, актуальным представляется нахождение способов идентификации подгрупп малых государств на основе не только географического признака (например, малые государства Карибского бассейна), но и их значимости для системы международных отношений и отдельных сфер мировой политики, и отражение ее динамики. Теория ролей, как представляется, позволяет систематизировать различные модели внешнеполитического поведения весьма дифференцированных между собой малых государств и отразить их специфический вклад в мировую политику, который хотя и является ограниченным по определению и в сравнении с вкладом средних держав и тем более ведущих государств, тем не менее, позволяет обогатить представления о том, как отдельные малые государства способны играть сопоставимые международно-политические роли по сравнению со своими более мощными соседями в отдельных сферах международного взаимодействия или хотя бы находить способы обеспечения собственного выживания, принимая во внимание ограниченность их материальных ресурсов.

Таким образом, целью настоящей статьи является применение концепта международно-политической роли для отражения дифференциации внешнеполитических курсов различных современных политий, которые принадлежат к категории малых государств. Для этого осуществляется краткий обзор потенциала применения теории ролей в международных отношениях, предлагается модель идентификации значимых международно-политических ролей государств, которая затем используется для систематического отражения значимых ролей малых государств на примере малых ближневосточных монархий.

Теория ролей в международно-политических исследованиях

Термин «роль» используется в международно-политическом дискурсе, когда существует необходимость определить сущностные характеристики отдельного объекта в более широком контексте («роль-в», например, *«роль негосударственных акторов в международных отношениях заключается в формировании мирополитических процессов и продвижении своих интересов»*), или подчеркнуть степень важности одного объекта для другого объекта («роль-для», например, *«роль политической культуры для уровня демократии на современной мировой арене возросла»*). З.О. Балахова отмечает более конкретные способы использования термина «роль», в частности для оценки *политики*, проводимой государством в конкретном регионе (роль ЕС на Балканах), *весе* державы в международных делах (роль США в мире), а также *нормативности* («государство X должно играть роль глобального полицейского») (Балахова, 2016).

Важно отметить, что государства по своей механистической сути могут быть представлены в виде совокупности социальных групп, состоящих из индивидов, некоторые из которых являются лицами, принимающими решения. В этой связи П.А. Цыганков считает, что применение социологического подхода к международным отношениям является важным полем для исследований, так как позволяет приоткрыть мотивационную составляющую избранного политического курса отдельных государств. Так, теория двухуровневой игры Р. Патнэма иллюстрирует связь внутригосударственных и международных взаимодействий между государствами (Putnam, 1998), а идея о том, что когнитивные установки, психологические факторы и подверженность разного рода предвзятостям влияют на международные отношения, лежит в основе бихевиорализма.

В этой связи справедливо отметить, что метафора роли, которая происходит из театрального искусства и закрепляется в социологии может накладываться не только на мир людей («весь мир – театр, а люди в нем – актеры»), но и на мир государств («весь мир – подвижная иерархия,

а государства в нем – акторы»). В таком случае международно-политическая роль является относительно стабильным образцом поведения государства, имеющего собственную политическую культуру, в конкретной сфере международного взаимодействия или в отношениях со своими контрагентами, который формируется с учетом собственного статуса в международной иерархии посредством комплекса субъективных представлений лиц, принимающих решения, а также внешних ограничений и возможностей (в частности, с учетом ожиданий других стран, норм, состояния мирового порядка и т.д.) в конкретный период времени.

Концепция роли в исследованиях международно-политической среды используется с конца 1960-ых годов, когда К. Холсти, использовавшему дискурс политиков высокого и высшего уровней 71-го государства, удалось идентифицировать 17 «идеальных» ролей государств², что является одной из первых значимых попыток теоретического осмысления акторного наполнения международно-политической роли («роль – это то, как государство видит себя на мировой арене») (Holsti, 1973).

В дальнейшем применение теории ролей в международных исследованиях получает большее распространение, в том числе и среди отечественных исследователей. Так, например, исследователь В.А. Смирнов на примере стран Балтии, используя сочетание акторного наполнения роли (официальные позиции лиц, принимающих решения, «роль – это то, как государство видит себя на мировой арене») и поведенческого («роль – это наблюдаемое поведение государства»), выделил три роли политических элит трех государств – «посредника», «привратника», «миссионера», а также восемь ниш – «свободного порта», «оффшора», «страны-транзитера», «моста»; «буфера», «форпоста»; «агитатора» и «эксперта», которые малые страны могут занимать в соответствии с преференциальной функцией (торговля, оборона или идеология) (Смирнов, 2015). М. Гензель и М. Меллер при анализе акторного наполнения роли Индии как

² Среди них: государство-освободитель и оплот революции, региональный лидер, государство-региональный защитник, активное независимое государство, государство-приверженец движению освобождения, антиимпериалистический агент, защитник веры, медиатор-интегратор, партнер по региональной подсистеме, государство-спонсор развития, государство-«мост», верный союзник, независимое (неприсоединившееся) государство, государство-«пример», государство, ориентированное на внутреннее развитие, государство-изоляция, государство-протекже.

одного из ведущих государств в период 2000-2012 гг. выделили такие роли страны, как «великая держава», «государство внутреннего развития», «государство-спонсор развития», «региональный интегратор», «защитник развивающихся стран», «активное независимое государство», «государство с моральной силой», «государство-пример развития либеральных институтов» и «покровитель демократии» (Hansel & Möller, 2015). М. Брейнинг на основе парламентских дискуссий в Нидерландах, Бельгии и Великобритании в сфере предоставления иностранной помощи и содействия развитию концептуализировала роли «хорошего соседа», «активиста», «торговца» и «серого кардинала» (power broker) (Breuning, 1996).

Таким образом, теория ролей позволяет отразить важную идентитарную и социологическую подоплеку конкретного политического курса государств, которая не может быть сведена лишь только к осуществляемой функции государства на мировой арене, особенно принимая во внимание, что конкретное государство может играть несколько международно-политических ролей.

Вместе с тем возникает сложность в идентификации ролей отдельных государств с учетом системного подхода, когда необходимо сравнить весьма разные между собой государства. В этой связи необходимо применение метода, который позволит отразить наиболее значимые международно-политические роли государств – как с учетом референтного объекта, так и конкретной сферы взаимодействия.

Типология значимых международно-политических ролей

Принимая во внимание возможность множественного проявления международно-политических ролей у одного государства, а также необходимость построения такой аналитической модели, которая была бы применима для всех государств в рамках единой мировой системы, целесообразным представляется применение типологии ролей, основанной на двух осях, одна из которых отражает референтный объект, а другая – сферу взаимодействия или проблематику. Референтный объект может быть представлен *глобальным уровнем, региональным уровнем*

(географическим или геополитическим) или конкретным *государством В*, на уровне которых (или для которого) государство А играет значимую роль в определенной сфере международного взаимодействия. Сфера международного взаимодействия представляет собой конкретную проблематику, которая является значимой для референтных объектов и является достаточно институализированной. Гипотетическое отражение набора международно-политических ролей представлено в табл. 1.

Таблица 1

Типология международно-политических ролей государств

Гипотетический набор международно-политических ролей Государства А				
№	Сфера м/н взаимодействия	Референтный объект		
		Глобальный (м/н сообщество)	Региональный (партнеры или соседи)	Диадный (Государство В)
1	Экономическая	Глобальный драйвер экономики		Партнер по торговле
2	Энергетическая	Поставщик углеводородов		
3	Экологическая	-	Образец устойчивого развития	-
4	Финансовая	-	Региональный финансовый центр	Инвестор
5	Демографическая	Поставщик демографических ресурсов		-
6	Культурная	-	-	-
7	Морская	Глобальный узел	Транзитер	
8	Военная	-	-	Локализатор военных баз/ военный союзник
	...			

Table 1. The typology of international roles of states

Среди возможных сфер международного взаимодействия могут быть выделены как исторически важные подсистемы мировой политики, такие как экономическая, военная, энергетическая, демографическая сферы,

так и более специфические, например, космическая, образовательная, правоохранительная и другие, являющиеся важными сферами взаимоотношений и противоборства различных сил и интересов (Чумаков, 2023).

При используемом подходе на пересечении двух осей могут быть идентифицированы **значимые роли**, которые государство А играет на глобальном, региональном или локальном уровнях в конкретной сфере международного взаимодействия. При этом для того, чтобы считать роль государства А значимой, следуя принципу реляционности, она должна быть ярко выраженной по сравнению с другими контрагентами – всеми государствами на глобальном уровне, соседями в региональном разрезе или всеми государствами для конкретного государства В. Например, исходя из табл. 1, государство А играет роль глобального драйвера экономики на обоих уровнях, если по сравнению с другими государствами оно занимает первые позиции, например, по таким параметрам, как размер и рост ВВП, объем внутреннего рынка, степень вовлеченности в интеграционные процессы и т.д. При этом для государства В в данной сфере оно может играть значимую роль партнера по торговле по сравнению с другими государствами, но может и не являться таковым несмотря на свой значимый глобальный статус (например, в случае наличия взаимных напряженных отношений).

Важно отметить, что, так как в данной типологии отражаются только значимые роли, они могут быть либо «со знаком плюс» (лидеры), либо «со знаком минус» (аутсайдеры) и представлять контрарные понятия, например, инвестора и заемщика; донора и реципиента; драйвера и ингибитора и т.д., являться *конструктивными* («ядерный зонтик», «защитник», «полицейский»), так и *деструктивными* («изгой», «источник бедности», «дестабилизатор»). Дополнительно для диадного уровня для концептуализации ролей может использоваться *тип отношений* на основе концепции значимого Другого (например, союзник, партнер, конкурент, враг) или спектр ведущих-ведомый (аналог диады «руководитель-подчиненный» для неформальных структур).

Если же роль не является значимой, она не отражается в типологии. Так, например, государство А не играет значимой роли в военной сфере на глобальном или даже региональном уровне, но, например, имеет

на своей территории военную базу государства В, а значит, в рамках дискурса военной сферы мировой политики, будет играть значимую роль для государства В. При этом важно осознавать соотношение между значимостью роли государства А для глобального и регионального уровней и классом государства В (великое, среднее, малое) – при увеличении класса государства В значимость роли государства А скорее будет совпадать с его статусом в региональном или глобальном измерении.

Наконец, следует оговориться, что параметры, на основании которых допустимо делать выводы о значимости конкретных ролей государств, могут операционализироваться по-разному и определяться задачами исследователя.

Так, например, сфера международной безопасности может включать в себя такие направления взаимодействия, как военное сотрудничество, борьба с терроризмом, нераспространение оружия массового поражения, а значит – конкретные государства могут играть несколько ролей даже в рамках одной сферы взаимодействия. Однако при любых обстоятельствах главным является следование принципу реляционной значимости ролей для референтных объектов.

Как представляется, подобная модель типологизации международно-политических ролей государств не только является применимой для всех суверенных государств, но также отражает социологические основания теории ролей, так как идентифицированные роли содержат в себе элемент признания со стороны референтного объекта. Также релевантность предлагаемой модели подтверждается возможностью расположить в ней роли, идентифицированные К. Холсти, В.А. Смирновым, М. Брейнинг и многими другими исследователями в своих работах.

Международно-политические роли малых государств на примере малых ближневосточных монархий

Идентификация значимых ролей малых государств может быть осуществлена на системных основаниях с учетом избранной типологии международно-политических ролей на примере малых ближневосточных

монархий, которые приобрели особую важность в начале XXI века (Сурков, 2024) – в частности, Бахрейн, Катар и Объединенные Арабские Эмираты.

Несмотря на существенные различия в политических режимах и фундаментальных материальных показателей, три малые монархии объединены рядом структурных факторов, включая исторически тесные связи с Великобританией, от которой они получили независимость в 1971 году (и даже могли оказаться в составе единой федерации), а затем – США; сдерживающие развитие климатические условия и пустынный ландшафт (которые, впрочем, компенсируются выгодным геополитическим и геоэкономическим положением в Персидском заливе); относительно малое население и близость к двум противоборствующим региональным лидерам – Саудовской Аравии и Ирану. Кроме того, вне всяких сомнений, обнаружение огромных запасов углеводородов и природного газа в середине XX века привело к значительной трансформации бедных территорий, преимущественно заселенных бедуинами и рыбаками, которые традиционно занимались кустарной добычей рыбы и жемчуга, в один из самых богатых регионов мира. Вместе с тем отождествлять текущие роли Бахрейна, Катара и ОАЭ лишь с поставщиками нефтяных и газовых ресурсов было бы непозволительным упрощением.

В этой связи возникают вопросы – изменились ли роли трех малых аравийских монархий в постбиполярную эпоху, и какие из них можно считать значимыми в рамках глобальной системы и сложном в конфликтном измерении региональном уровне? Как представляется, для того, чтобы дать комплексный и системный ответ на данный вопрос, необходимо проанализировать динамику основных структурных переменных, имеющих значение для места указанных политий в социально-демографическом и экономическом измерении мировой политики (см. рис. 2).

№	Структурные параметры	Бахрейн				Катар				ОАЭ			
		1990	2022	2022	Δ	1990	2022	2022	Δ	1990	2022	2022	Δ
1	Население (1990 / 2022), чел.	158	20	535 415	+275%	160	21	456 486	+590%	136	16	2 008 383	+470%
		150	20	1 472 233		138	19	2 695 122		96	12	9 441 129	
2	Мигранты (1990 / 2015), % населения	8	4	35%	+16%	4	2	65%	+10%	1	1	72%	+16%
		7	4	51%		2	2	75%		1	1	88%	
3	ИРЧП (1990 / 2022), ед.	27	3	0,733	+0,155	20	1	0,764	+0,111	27	5	0,717	+0,220
		34	2	0,888		40	3	0,875		17	1	0,937	
4	ВВП (1990 / 2022), млрд.	106	17	13 313,77	+677%	81	13	26 034,00	+1180%	35	4	165 033,22	+506%
		97	14	90 171,59		60	7	307 376,58		33	3	835 435,92	
5	Природная рента (1990 / 2021), % ВВП	7	5	40,87%	-24,2%	3	1	51,16%	-33,5%	11	7	36,60%	-9,31%
		32	7	16,64%		14	3	17,63%		29	6	27,29%	

Рис. 2. Основные структурные параметры трех аравийских монархий

Fig. 2. The main structural parameters of the three Arabian monarchies

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка, порталов *Our World in Data*, *Human Development Index*

Так, за 30 лет все три государства смогли нарастить свои демографические показатели более чем в два раза. Однако важно сделать оговорку, что увеличение населения произошло главным образом за счет активизации международной экономической иммиграции. Численность мигрантов, которая наблюдается в трех арабских монархиях, в относительных значениях не встречается более нигде в мире, что теоретически могло бы негативно сказаться на криминогенной обстановке в рассматриваемых странах, учитывая, что большинство мигрантов происходит из более бедных государств с иной политической культурой, многие из которых зачастую не являются высококвалифицированными работниками, однако в реальности подобная весьма специфическая **роль аттракторов экономических мигрантов** вносит значимый вклад в экономический рост и строительство инфраструктуры монархий благодаря своей «критической массе». В частности, на сегодняшний день около 95% всех работников в Катаре являются мигрантами, а сами катарцы находятся на четвертом месте по численности населения в стране, составляя немногим более 10%³. Вместе с тем нельзя не отметить случаи весьма жесткой эксплуатации наемных

³ Political Stability: The Mysterious Case of Qatar. Middle East Political and Economic Institute. URL: <https://mepci.com/political-stability-the-mysterious-case-of-qatar/> (accessed 15.09.2024)

работников, несоблюдения техники безопасности на строительных объектах, да и просто конфискации паспортов и ограничения передвижения мигрантов, о чем систематически пишут различные СМИ¹⁴. Хотя мигранты из Индии, Бангладеш, Непала и других стран получают возможность поправить свое финансовое положение, они не имеют право на натурализацию, как и их дети даже в случае заключения брака с подданными страны. Представляется, что, если подобные эпизоды будут проявляться систематически и дальше, это может достаточно негативно повлиять на международную репутацию Катара и ОАЭ.

Также важно отметить тренд на увеличение индекса развития человеческого потенциала и стремление сократить зависимость экономики стран от экспорта углеводородов и газа («природной ренты»), что заметно удалось достичь за 30 лет. Подобная модель развития демонстрирует не только конвертацию конечных материальных ресурсов в диверсифицированную экономику, способную на производство инноваций и услуг, но также и возможность увеличения собственного политического веса напекор феномену «ресурсного проклятия».

В начале XXI века, в частности, в Катаре реализуются значимые долгосрочные инфраструктурные мегапроекты за счет привлечения уже упоминавшийся дешевой рабочей силы, включая футбольные стадионы мирового класса, газовые оффшорные установки, международный аэропорт и морской порт Хамад и многие другие объекты. Как отмечает К.Б. Демидов, успешная экономическая политика Катара основала базис для противостояния многим разрушительным тенденциям, в частности, связанным с негативным воздействием на катарский социум событий «арабской весны» (Демидов, 2022). С конца 2000-х гг., осознавая риски, связанные с неустойчивыми ценами на газ и нефть, руководство Катара выдвигает стратегию «Национальное видение – 2030» и проводит политику диверсификации экономики, развивая туризм, обрабатывающую

¹⁴ Amnesty report: Qatar migrant workers trapped and exploited before World Cup // The Guardian. 2022. URL: <https://www.theguardian.com/football/2021/nov/16/qatar-migrant-workers-trapped-exploited-before-world-cup-amnesty-report> (accessed 15.09.2024)

промышленность, торговлю, логистику, сферу обслуживания, информационно-коммуникационные технологии, рынки банковских и страховых услуг (Жилина, 2020), а в 2019 году выходит из состава ОПЕК с целью фокусирования на развитии технологий в сфере газодобычи. В 2015-2019 годы страна является единственным государством Ближнего Востока, которая больше инвестирует, чем получает прямых иностранных инвестиций⁵. Помимо осуществления инвестиций в различные производственные и инновационные цепочки с целью получения прибыли, шейхи Катара активно скупают имиджевые активы, среди которых футбольный клуб «Пари сен-Жермен», 87-этажный небоскреб в Лондоне «The Shard», отель «InterContinental New York Barclay Hotel» и другие. Однако представляется, что подобный инструмент увеличения репутации может оказаться неэффективным и весьма ресурсозатратным, который не приносит дополнительные политические дивиденды.

В целом можно сделать вывод, что данная стратегия связана с концепцией развития так называемых ресурсов мягкой силы, которая стала проявляться особенно ярко во втором десятилетии XXI века. Среди наиболее значимых событий следует отметить проведение ОАЭ международной выставки EXPO в 2020 году и 28-ой конференции ООН по изменению климата в 2023 году в Дубае, а также важную роль страны в подписании соглашений Авраама в 2020-2021 годы⁶. В 2022 году Катар провел на своей территории Чемпионат мира по футболу, потратив рекордные 200 млрд дол. по сравнению с 19,7 млрд дол., потраченные Бразилией в 2014 году и 16 млрд дол., инвестированные Россией в 2018 году⁷. Хотя многие эксперты отмечают факт откровенного подкупа большинства членов жюри при выборе Дохи в качестве места проведения Чемпионата, проведение мероприятия действительно прошло на высоком организационном уровне, подготовка к которому производилась с 2012 года и позволила влить значительные инвестиции в экономику и построить объекты мегауровня.

⁵ Qatar Foreign Direct Investment / CEIC. 2024. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/qatar/foreign-direct-investment> (accessed 15.09.2024)

⁶ Global Soft Power Index 2022: USA bounces back better to top of nation brand ranking // Brand Finance. 2023. URL: <https://brandfinance.com/press-releases/global-soft-power-index-2022-usa-bounces-back-better-to-top-of-nation-brand-ranking> (accessed 15.09.2024)

⁷ Economics of Qatar 2022 FIFA World Cup / You Exec. 2023. URL: <https://youexec.com/reports/the-economics-of-the-2022-world-cup> (accessed 15.09.2024)

Одновременно важно отметить необходимость составления долгосрочных планов по использованию уже имеющейся инфраструктуры, что является типичной проблемой для государств, на территории которых проходят уникальные мероприятия глобального масштаба – стадионы требуют значительных средств на техническое обслуживание и редко используются на полную мощность. После завершения Чемпионата мира в Катаре у стадионов сложились разные судьбы – так, стадион «Рас Абу Абуд 974» оказался разобран и отправлен в Уругвай для дальнейшего использования, стадион «Город образования» будет использоваться для обслуживания студентов и преподавателей из различных университетов и школ, стадион «Аль-Тумама» будет реконструирован в спортивную клинику и отель, а стадион «Яйцо Фаберже» будет преобразован в общественный центр и жилой район. Оставшуюся инфраструктуру Катар планирует использовать для будущих спортивных событий, в частности, принять Азиатские игры 2030 года, как это уже произошло с Чемпионатом Азии по футболу в 2023 году, что еще раз говорит о понимании катарскими элитами долгосрочных целей развития⁸.

Примером построения успешной информационной инфраструктуры и ценного идеологического актива следует признать международную телекомпанию Аль-Джазира, которая была основана в 1996 году в Катаре и с начала XXI века признается эффективным инструментом внешней политики эмирата, чьей главной особенностью является сочетание новостей на арабском языке с западными стандартами журналистики⁹. Широкая доступность Аль-Джазиры в арабском мире и модель «контекстуальной объективности» сыграла значимую роль во время Арабской весны, оказала влияние на течение революций в Тунисе и Египте. В целом деятельность телеканала оценивается экспертами противоречиво: с одной стороны, высокие стандарты вещания привлекают внимание телезрителей по всему миру (150 стран и 430 млн зрителей), но, с другой стороны, платформа нередко признается пропагандистской и уже запрещена в ряде арабских

⁸ Here's What Will Happen to Qatar's Billion Dollar Stadiums Now That the World Cup Is Over // Time. – 2022. – URL: <https://time.com/6242292/what-happens-to-qatar-world-cup-stadiums/>

⁹ Мирзаян Г. Катару придется протрезветь // Эксперт. 2012. URL: <https://web.archive.org/web/20140724192839/http://expert.ru/expert/2012/17/kataru-prividetsya-protrezvet/> (accessed 15.09.2024)

стран и Израиле (с 2024 года)¹⁰. В этой связи нельзя не отметить возможность использования Аль-Джазиры с учетом потенциального «двойного назначения» – как продвигать собственные ценности и осуществлять фреймирование дискурса, так и производить дестабилизирующий эффект в отношении соперничающих контрагентов. Представляется, что данный ресурс является ярким примером использования традиционных форм мягкой силы в виде силы уже жесткой (Esposito, 2003).

Институты мультилатерализма, прежде всего представленные многочисленными площадками взаимодействия, в рамках которых малые государства формально равны с ведущими государствами, предоставляет больше возможностей для первых быть услышанными и достигать собственные национальные интересы. Так, стремление играть более интегрированную роль в глобальных процессах, а также сделать ставку на более тесные дипломатические отношения как с государствами Запада, так и Глобального Юга со стороны Катара и ОАЭ может быть подтверждено значительным увеличением числа посольств, которые монархии открыли в третьих странах за прошедшие 30 лет. В частности, данный показатель увеличился с 29 до 93 и 91 страны, соответственно. По данному показателю оба государства сопоставимы с отдельными ведущими державами и составляют конкуренцию наиболее активным малым государствам мира, а потому данные дипломатические роли следует признать значимыми. Бахрейн, однако, на сегодняшний день имеет представительства только в 25 государствах, увеличив соответствующий показатель с 12 единиц в 1990 году, что, как представляется, отражает его более скромные международно-политические амбиции. При этом участие в международных межправительственных организациях примерно равно важно для всех трех государств – так, общее число членства в них для Бахрейна за 30 лет увеличилось с 37 до 54 ед., для Катара – с 47 до 57 ед. и ОАЭ с 51 до 61 ед. в 2014 году. Характерно, что почти все они участвуют практически в одних и тех же межправительственных организациях, а отличаются только по весьма специфическим «инструментальным» вопросам¹¹.

¹⁰ Israel bans Al Jazeera: What does it mean and what happens next? // Aljazeera. 2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/5/6/israel-bans-al-jazeera-what-does-it-mean-and-what-happens-next> (accessed 15.09.2024)

¹¹ Так, например, только Катар участвует в формате Всемирной дорожной ассоциации в то время, как только ОАЭ является активным участником Форума лидеров по секвестрации углерода и т.д.

Также необходимо ответить, что всем трем монархиям удалось стать временным членом Совета безопасности ООН, при этом ОАЭ удалось сделать это второй раз (см. рис. 3).

Мультилатерализм	СБ ООН	Членство в ММО	Посольства
Бахрейн	1998-1999	1990 = 37 ед. 2014 = 54 ед.	1990 = 12 ед. 2014 = 25 ед.
Катар	2006-2007	1990 = 47 ед. 2014 = 57 ед.	1990 = 29 ед. 2014 = 93 ед.
ОАЭ	1986-1987, 2022-2023	1990 = 51 ед. 2014 = 61 ед.	1990 = 37 ед. 2014 = 91 ед.

**Рис. 3. Мультилатеральные структуры
во внешнеполитической деятельности монархий**

Fig. 3. Multilateral structures in the foreign policy of monarchies

После завершения срока ОАЭ в качестве члена СБ ООН, власти страны положительно оценивают результаты, которые стране удалось достичь, в частности, по приближению прекращения огня в Газе. ОАЭ удалось добиться принятия Резолюции 27/20 о «существенных и конкретных шагах по увеличению потока жизненно необходимой помощи палестинцам в Газе при одновременной защите ООН и гуманитарного персонала, доставляющего ее»¹². Также Совет ООН по правам человека принял проект резолюции, подготовленной ОАЭ совместно с Великобританией и касающейся достижения равенства в обеспечении права девочек на образование. Как отмечает аналитический центр Эмирейтс, данное событие отражает высокую репутацию страны на международной арене, значительный потенциал мягкой силы и возможность убеждать другие государства с целью достижения стабильности и процветания в мире¹³. Также Совет принял историческую резолюцию, разработанную ОАЭ совместно с Великобританией, о толерантности, мире и международной безопасности. В целом,

¹² Resolution 27/20 // UN. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/12/1145022> (accessed 15.09.2024)

¹³ The UAE's UNSC Membership Furthered Multilateral Action in a Polarized World // Emirates Policy Center. 2023. URL: <https://epc.ae/en/details/brief/the-uae-s-uns-c-membership-furthered-multilateral-action-in-a-polarized-environment> (accessed 15.09.2024)

пребывание ОАЭ в Совете Безопасности ООН сыграло ключевую роль в укреплении позиции государства в качестве важного участника процесса разработки и принятия резолюций ООН, касающихся важнейших вопросов и событий на мировой арене.

Несмотря на распространение практик мягкой силы, дипломатических процедур и экономического развития, политическое руководство малых монархий осознает значимость вопросов стратегической безопасности и военного сотрудничества, которые являются не менее важными, принимая во внимание сложную конфликтную обстановку в регионе. Так, в постбиполярный период наблюдается расширение перечня зарубежных военных баз не только за счет традиционных партнеров – США и Британии, но и Саудовской Аравии, а также Турции. Катар продолжает оставаться местом расположения крупнейшей военной базы США на всем Ближнем Востоке. Как представляется, это вызвано трансформационными процессами, вызванными Арабской весной, а также распространением терроризма в регионе и конфликтами между отдельными странами в регионе (см. рис. 4).

Иностранные военные базы	США	Британия	Саудовская Аравия	Турция
Бахрейн	1971, 2009	-	2011	-
Катар	1996	1996	-	2016
ОАЭ	1983	-	-	-
Военная сфера	Численность вооруженных сил	Миротворческий персонал ООН	Расходы на оборону от ВВП (2020)	
Бахрейн	18 000	-	1,5%	
Катар	26 550	1	4,4%	
ОАЭ	44 000	-	5,5%	

Рис. 4. Основные параметры в военно-стратегической сфере

Fig. 4. Main parameters in the military-strategic sphere

Страны региона достаточно серьезно обращают внимание на финансирование обороны – так, Катар и ОАЭ входят в топ-15 стран мира по величине расходов в данной сфере в процентном соотношении от ВВП

согласно индексу Международного института стратегических исследований¹⁴, несмотря на то, что находятся на 36 и 103 местах по показателю численности вооруженных сил, соответственно. С момента Войны в заливе в постбиполярный период среди наиболее значимых операций Вооруженные силы ОАЭ принимали участие в «Возрождении надежды» и миротворческих операциях ООН в Сомали, участвовали в Международных силах содействия безопасности в Афганистане, а также гражданской войне в Йемене. Значимое внимание руководства уделяется вопросу импорта вооружения (самолетов, ракет, военно-морских судов и сложных систем обороны, закупаемых у различных международных поставщиков, главным образом, США). Так, за период 2019–2024 годов Катар находился на третьем месте по объему соответствующего показателя среди всех стран мира, а ОАЭ – на 10 месте¹⁵.

Качественно новая международно-политическая роль в XXI веке наблюдается у Катара как нового нейтрального примирителя, что укрепляет его международный авторитет и влияние. Так, Катар являлся единственным арабским государством, оказавшим помощь Ливану после конфликта между Израилем и Хезболлой в 2006 году. После того, как в Ливане вспыхнули бои из-за продолжающегося политического кризиса, Катар пригласил основные ливанские политические партии в свою столицу с тем, чтобы попытаться положить конец конфликту и избежать возможной полномасштабной гражданской войны. В результате в 2008 году было подписано Дохийское соглашение (Makhzoumi, 2010). Кроме того, Катар выступил посредником в переговорах между США и движением «Талибан» (запрещенная в России террористическая организация), подписании нескольких мирных соглашений по Йемену, Дарфуру и Газе, а также принимал политические представительства ХАМАС в Дохе (Kamrava, 2011). На 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2022 году эмир Катара шейх Тамим бен Хамад Аль Тани заявил, что «посредничество в конфликтах является ключевым элементом внешней политики Катара, направленной на превращение страны в надежного международного

¹⁴ IISS Military Balance 2021. The Military Balance. № 121 (1). International Institute for Strategic Studies.

¹⁵ SIPRI Military Expenditure Database – 2023. URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (accessed 15.09.2024)

союзника»¹⁶. В 2023–2024 годах Катар сыграл важную посредническую роль в репатриации украинских детей, разлученных со своими семьями на фоне конфликта между Украиной и Россией¹⁷, а также заложников, захваченных ХАМАС после атаки на Израиль¹⁸. Кроме того, в августе 2024 году Украина и Россия собирались направить делегации именно в Доху для переговоров по соглашению о прекращении ударов по объектам энергетической инфраструктуры с обеих сторон¹⁹. По мнению экспертов, Катар может сыграть значимую роль в достижении перемирия между странами и завершении военных действий.

Принимая во внимание характер политических систем и режимов Бахрейна, Катара и ОАЭ, а также степень их внешнеполитической активности представляется, что они представляют собой яркий пример того, как деятельность политических лидеров, сформированная на основе внутренних черт и мотиваций может выступать в качестве значимого фактора развития малых государств. Так, в современной истории Катара выделяется фигура седьмого эмира Хамада ибн Халифа Аль Тани, в 1995 году свергнувшего своего отца с престола, которому приписывается ключевая роль в развитии вооруженных сил страны на основе полученного опыта в Британской Королевской военной академии в Сандхерсте²⁰, основании новостного канала Аль-Джазира, привлечению иностранных инвестиций крупнейших нефтегазовых компаний ExxonMobil, Шелл, Total и создании суверенного инвестиционного фонда. Именно за его 18-летнее правление добыча природного газа в Катаре достигла 77 млн тонн, сделав страну самой богатой в мире на душу населения, кроме того, именно а этот период в стране активизировалось проведение международных событий

¹⁶ Gaza war: how Qatar used its business connections to become a leading mediator in the Middle East // The Conversation. 2023. URL: <https://theconversation.com/gaza-war-how-qatar-used-its-business-connections-to-become-a-leading-mediator-in-the-middle-east-218461> (accessed 15.09.2024)

¹⁷ Qatar helping four Ukrainian children go home from Russia to Ukraine // Reuters. 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/qatar-return-three-ukrainian-children-russia-after-repatriation-talks-2023-10-16/> (accessed 15.09.2024)

¹⁸ Катар заявил о финальной стадии переговоров с ХАМАС по заложникам // РБК. 2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2023/655ca19d9a794789fadda3c9> (accessed 15.09.2024)

¹⁹ Ukraine's offensive derails secret efforts for partial cease-fire with Russia, officials say // Washington Post. 2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/17/kursk-ukraine-russia-energy-ceasefire/> (accessed 15.09.2024)

²⁰ صاحب السمو الأمير الوالد الشيخ حمد بن خليفة آل ثاني الديوان الأميري // Diwan.gov.qa. URL: <https://web.archive.org/web/20190204122250/https://www.diwan.gov.qa/ar-qa/about-qatar/qatars-rulers/father> (accessed 15.09.2024)

глобального уровня²¹. Сын Хамада ибн Халифа Аль Тани, Тамим ибн Хамад Аль Тани перенял пост управления государством в 2013 году после отречения своего отца и продолжает управление страной, поддерживая высокую репутацию эмирата в международном сообществе, которая, хотя и не лишена конфликтности (в частности, следует упомянуть дипломатические кризисы в отношениях с Саудовской Аравией, Египтом, ОАЭ и Бахрейном из-за поддержки Катаром исламистских группировок и оппозиции наследственным правителям стран Персидского залива, что вылилось в блокаду Катара в 2017–2021 годах).

В целом следует отметить, что пример Катара демонстрирует, что фигура политического лидера в малых странах может выступать в качестве весомого организационного ресурса, имеющего значимые последствия для статуса и ролей малых государств, ставших на суверенные рельсы относительно позже большинства членов мирового сообщества. Резюмируя трансформацию международно-политических ролей ОАЭ, Катара и Бахрейна в XXI веке можно сделать вывод, что малые арабийские монархии значимо опираются на свои геополитические и геоэкономические ресурсы, стремясь воспользоваться сохранением значения углеводородных и газовых ресурсов, но стремятся не тратить, а инвестировать их не только в материальную инфраструктуру, но и свою репутацию.

Среди характерных ролей, свойственных для всех трех государств – «аттрактор экономических мигрантов», «финансовый центр», «региональный хаб», «импортер оружия», «дипломатический посредник», «помощник развитию», «меценат», которые являются ролями, которые не были свойственными для всех трех государств в период с момента их независимости до 1990-ых годов прошлого века.

²¹ Emir of Qatar profile: Who is Sheikh Hamad bin Khalifa Al Thani, how did he turn Qatar into the world's richest nation and why has he decided to abdicate? // Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/emir-of-qatar-profile-who-is-sheikh-hamad-bin-khalifa-al-thani-how-did-he-turn-qatar-into-the-world-s-richest-nation-and-why-has-he-decided-to-abdicate-8672997.html> (accessed 15.09.2024)

* * *

Примеры ОАЭ, Катара и Бахрейна демонстрируют возможность ряда малых государств играть значимые роли в мировой политике. Представляется, что вышеуказанная типология ролей может быть применима и для других активных на международной арене малых государств, включая Сингапур, Маврикий, Коста-Рику, Скандинавские страны и другие, многие из которых демонстрируют атрибуты среднедержавности.

Как представляется, значимый фактор эффективности повышения собственного статуса у малых государств состоит в наличии определенной географической и пространственной близости к ведущим державам, позволяющей, с одной стороны, поддерживать автономность, а с другой стороны – изыскивать ресурсы для собственного развития с целью повышения собственной безопасности. Еще один фактор – качество и развитость организационных ресурсов, которые в первую очередь зависят от возможностей и мотивационной составляющей политических элит малых государств. Третий фактор – это возможность и способность долгосрочного планирования, особенно с учетом конъюнктурности спроса и конкуренцию за редкие ресурсы, которые могут закончиться в любой момент. Наконец, эффективность модели во многом связана с инвестированием в человеческий капитал, который является основой настоящего и будущего любой страны. Неслучайно, практически все политически активные малые государства обладают относительно высоким значением индекса человеческого развития.

Стоит отметить, что значимые роли в отдельных сферах международного взаимодействия не конвертируются в полную самостоятельность и независимость малых государств, как и их способность к самозащите и обеспечению военной, экономической, продовольственной и иных форм безопасности, так как основные параметры мирового порядка по-прежнему задаются великими державами. Кроме того, хотя вопрос территориального захвата после завершения Второй мировой войны потерял былую значимость, у ряда ведущих государств появляется более тонкий инструментарий по контролированию малых стран и уменьшению их субъектности.

Вместе с тем, как представляется, идентификация и систематизация ролей малых государств позволяет не только усовершенствовать методы глобальной классификации государств в целом с точки зрения их места в международной иерархии, но и получить дополнительное представление о том, как ограниченные ресурсы могут быть задействованы не только для обеспечения собственного выживания, но и развития, а также увеличения статуса в глазах контрагентов и мирового сообщества.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: September 12, 2024

Accepted: November 28, 2024

DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-3-42-67

UDC: 327

International Politics / Research article

Significant Roles of Small States in Contemporary World Politics: Cases of the Small Monarchies of the Middle East

Bogdan A. Barabash, Deputy Head of the Section of Projects and State Programs, the Department of State Support for Art and National Art, the Ministry of Culture of the Russian Federation.

Maly Gnezdnikovskiy per., 7/6, building 1,2, GSP-3, Moscow, Russia, 125993.

E-mail: tri250@yandex.ru

Abstract: The article is concerned with the application of the concept of international roles for small states occupying the bottom floor of the international hierarchy. As is known, traditionally small states are characterized by low status, essential lack of influence on international affairs and complete dependence on great powers. At the same time, taking into account the sheer size of the group, it is possible to identify a subgroup of small states that are able to effectively employ their available resources and play a comparable role with middle or even great powers in world politics. In order to identify significant international roles, a typology is proposed that takes into account the main spheres of international interaction and the type of reference object for which the state in question plays a significant role (global, regional or dyadic levels). Such systematization of significant roles allows comparing vastly different countries, for instance, those belonging to different classes of the international hierarchy, including small, medium and leading states. In addition, the

axis of reference objects in the typology allows to reflect an important sociological component of a role, which distinguishes it from a function. Based on the proposed typology of significant international roles, the article goes on to analyze the transformation of the roles of small Middle Eastern monarchies – namely, Qatar, the United Arab Emirates and Bahrain in contemporary world politics, which constitute some of the most successful examples of small states that have achieved significant agency at the beginning of the 21st century.

Keywords: small states, small countries, small powers, role, world politics, international hierarchy, Qatar, the UAE, Bahrain, Middle Eastern monarchies

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Aydin, U. (2019). Rule-takers, Rule-makers, or Rule-promoters? Turkey and Mexico's role as rising middle powers in global economic governance. *Regulation & Governance*, 3, 544–560. DOI: 10.1111/rego.12269

Breuning, M. (1996). Words and Deeds: Foreign Assistance Rhetoric and Policy Behavior in the Netherlands, Belgium, and the United Kingdom. *International Studies Quarterly*, 39(2), 235–254.

Colomer, J.M. (2007). *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*. Routledge, 128 p.

Esposito, J. (2003). Al-Jazeera: How the Free Arab News Network Scooped the World and Changed the Middle East. *Political Science Quarterly*, 118, 316–318. DOI: 10.2307/30035745.

Hansel, M. & Möller, M. (2015). Indian Foreign Policy and International Humanitarian Norms: A Role-Theoretical Analysis. *Asian Politics & Policy*, 1, 79–104. DOI: 10.1111/aspp.12171

Holsti, K.J. (1970). National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy. *International Studies Quarterly*, 14(3), 233–309. DOI: 10.2307/3013584

Kamrava, M. (2011). Mediation and Qatari Foreign policy. *The Middle East Journal*, 65, 539–556. DOI: 10.3751/65.4.11

Long, T.A. (2022). *Small State's Guide to Influence in World Politics*. Oxford University Press, 221 p.

Makhzoumi, F. (2010). Lebanon's Crisis of Sovereignty. *Survival: Global Politics and Strategy*, 52(2), 5–12. DOI: 10.1080/00396331003764298

Mares, D. (1988). Middle Powers under Regional Hegemony: To Challenge or Acquiesce in Hegemonic Enforcement. *International Studies Quarterly*, 32(4), 453–471. DOI:10.2307/2600593

Paul, T.V., Larson, D.W. & Wohlforth, W.C. (2014). *Status in World Politics*. Cambridge University Press, 320 p.

Putnam, R.D. (1998). Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*, 42(3), 427–460. DOI: 10.1017/S0020818300027697

Balakhova, Z.O. (2016). Kontseptsiya roli vo vneshnei politike sovremennogo gosudarstva [The concept of role in the foreign policy of a modern state]. *Nauka i mir*, 2(35), 2–9. (In Russian).

Bogaturov, A.D. (1997). *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voiny (1945-1995)* [Great powers in the Pacific Ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945-1995)]. Konvert, 352 p. (In Russian).

Demidov, K.B. (2022). Katar – narozhdayushchayasya regional'naya "sverkhderzhava" i ee vnutrennie problemy [Qatar – an emerging regional "superpower" and its internal problems]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9, Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyi zhurnal*, 4, 35–51. (In Russian).

Zhilina, I.Yu. (2020). Proval ehkonomicheskoi blokady Katara. [The failure of the economic blockade of Qatar]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 2, Ekonomika: Referativnyi zhurnal*, 2, 41–52. (In Russian).

Il'in, M.V. (2011). Al'ternativnye formy suverennoi gosudarstvennosti. [Alternative forms of sovereign statehood]. *Comparative Politics Russia*, 3(5), 11–19. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-11-19 (In Russian).

Smirnov, V.A. (2015). Problemy vybora vneshnepoliticheskoi nishi malymi gosudarstvami (na primere stran Baltii) [Problems of choosing a foreign policy niche by small states (on the example of the Baltic States)]. *MGIMO Review of International Relations*, 6(45), 135–145. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-6-45-135-145 (In Russian).

Surkov, N.Yu. (2024). Razryadka v Zalive i kurs na Evraziyu. Blizhnii Vostok prevrashchaetsya v odin iz novykh mirovykh polyusov [Détente in the Gulf and the course to Eurasia. The Middle East is turning into one of the new world poles]. *Svobodnaya mysl'*, 1(1703), 85–96. DOI: 10.24412/0869-4435-2024-1-85-96 (In Russian).

Chumakov, A.N. (2023). *Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira*. [Globalization. Contours of a holistic world]. Prospekt, 456 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Балахова З.О. (2016). Концепция роли во внешней политике современного государства. *Наука и мир*. № 2(35). С. 2–9.

Богатуров А.Д. (1997). *Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995)*. Конверт, 352 с.

Демидов К.Б. (2022). Катар – нарождающаяся региональная «сверхдержава» и ее внутренние проблемы. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал*. № 4. С. 35–51.

Жилина И.Ю. (2020). Провал экономической блокады Катара. *Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал*. № 2. С. 41–52.

Ильин М.В. (2011). Альтернативные формы суверенной государственности. *Сравнительная политика*. № 3(5). С. 11–19. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-11-19

Смирнов В.А. (2015). Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии). *Вестник МГИМО-Университета*. № 6(45). С. 135–145. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-6-45-135-145

Сурков Н.Ю. (2024). Разрядка в Заливе и курс на Евразию. Ближний Восток превращается в один из новых мировых полюсов. *Свободная мысль*. № 1(1703). С. 85–96. DOI: 10.24412/0869-4435-2024-1-85-96

Чумаков А.Н. (2023). *Глобализация. Контуры целостного мира*. Проспект, 456 с.